

С.Ю. Колесникова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАЛЕНДАРНЫХ НАЗВАНИЙ ОХОТНИКОВ, СОБИРАТЕЛЕЙ, РЫБОЛОВОВ

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

Каждая из культур, из которых состоит человечество, формирует собственную историю, вырабатывает свой язык, создает свое мировидение. Результат этого специфического видения мира, в котором обитает человек, есть культурная картина мира – система образов, представлений, знаний об устройстве мира и месте человека в нем. В строгом, узком смысле, в культурную картину мира входят, наряду со многими составляющими, и способы восприятия времени [1, с. 121]. Одним из таких способов восприятия и счета времени является календарь. Кроме того, календарь является организатором сознания народа. Изменение календаря есть переориентация сознания, переключение культурного кода, введение сознания в иную систему ценностей [2, с. 157]. Изучение календаря того или иного народа, бесспорно, позволит понять сущность формируемой им культурной картины мира.

На сегодняшний день существует большое количество исследований календарей разных обществ и, соответственно, много различных определений понятия «календарь». В данной статье под понятием «календарь» понимается способ счета времени, основанный на последовательности периодических событий и служащий для упорядоченного восприятия данных событий. Автором предлагается анализ «традиционных устных календарей», т.е. календарей, запечатленных и сохраненных в коллективной и индивидуальной памяти представителей древних дописьменных культур (и получивших свое материальное воплощение лишь в более поздний период).

Прежде чем представить анализ календарей, необходимо определить, по каким критериям будут выбираться для исследования культуры, в недрах которых они формировались. Как утверждает А.Я. Флиер, наука типологизирует культуры по четырем типам оснований: а) по духовно-культурным чертам, б) природно-географическим условиям, в) художественно-стилевым признакам той или иной культуры или эпохи, г) стадиям исторического развития [3, с. 171].

Представляется наиболее целесообразным осуществить выбор древних культур, опираясь на их типологизацию по природно-географическим условиям. Данный подход в рассмотрении культур базируется на классификации по хозяйственно-куль-

турным типам (ХКТ), подробно описанной в работе Н.Н. Чебоксарова, И.А. Чебоксаровой [4, с. 177–221]. По мнению авторов указанной работы, все ХКТ (до эпохи капитализма) могут быть разделены на три основные группы, отличающиеся друг от друга все более и более высокой производительностью труда: первая группа – типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства (так называемая культура охотников, собирателей, рыболовов); вторая группа – мотыжного (ручного) земледелия и животноводства (культура ранних земледельцев и скотоводов); третья группа – плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных [4, с. 177–221].

По мнению Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой, первый ХКТ характеризуется тем, «что единственным источником существования людей являются дикорастущие растения и дикие животные (включая водных), т.е. готовые «дары природы», которые надо, конечно, добыть и соответствующим образом обработать для употребления в пищу, но не надо искусственно выращивать или выкармливать». Второй ХКТ по сравнению с первым является значительным шагом вперед и характеризуется тем, что основным источником существования здесь являются выращиваемые культурные растения и домашние животные. Экономика более устойчива, чем у охотников и собирателей, производительность труда выше. Третий ХКТ характеризуется тем, что при сельскохозяйственных работах используется тягловая сила домашних животных. Ремесло, как правило, отделяется от сельского хозяйства; постепенно развивается также сначала мануфактурная, а затем и фабрично-заводская промышленность [4, с. 179–181].

Итак, рассмотрим основополагающий принцип формирования названий традиционных устных календарей обществ, в основе хозяйства которых лежит первый ХКТ.

Анализируя календари обществ с первым ХКТ, хотелось бы упомянуть, что имеющиеся в распоряжении автора примеры традиционных устных календарей доклассовых народов мира впервые были письменно зафиксированы в XIX–XX вв., т.е. после начала и широкомасштабного распространения колонизации занимаемых ими территорий. В этот период большинство бесписьменных народов уже

деформировали свою уникальную культуру, в том числе и календарь. Поэтому те календари, которые мы рассматриваем, все-таки нельзя причислить к числу исконных, они являются продуктом определенной трансформации (в результате контактов с колонизаторами, с соседскими племенами, естественного развития общества и т.д.) некогда существовавшей традиционной календарной системы. В связи с этим во многом анализ календарей, имеющийся в научной литературе, касается проблем счета времени не традиционных аборигенных народов, а ассимилированных этносов более позднего периода (см.: [5, с. 179–181]). Это надо учитывать при анализе календарей.

Автором были проанализированы подробно 30 календарей селькупов [6], а также опубликованные работы, посвященные календарям народов Сибири, Севера и Дальнего Востока (нашей страны), Северной и Южной Америки, Австралии (не имея возможности продемонстрировать в статье все исследованные календари, автор дал в Приложении лишь один календарь одного из рассматриваемых обществ – монтанье – охотников, рыболовов, собирателей Северной Америки). Опираясь на эти материалы, можно дать общую характеристику традиционных устных календарей охотников, собирателей, рыболовов.

Характеристика традиционных устных календарей охотников, собирателей, рыболовов

1. Анализируемые календари народов с рассматриваемым ХКТ представляют собой перечень названий определенных отрезков времени, которые чаще всего сопровождаются словом «месяц, луна». Подавляющее количество авторов называет эти отрезки времени «месяцами» (например: «месяц незначительной жары», «месяц гона оленей – самцов», см. Приложение).

Однако добавление слова «месяц» в переводах принято условно, так как рассматриваемые отрезки времени представляют собой совершенно специфическую систему временных промежутков, не имеющую сходства с григорианским календарем. Эти временные промежутки – отрезки неопределенной длины (15–20 дней и более), без фиксированного начала и конца, соответствующие каким-либо конкретным явлениям окружающей среды или хозяйственной деятельности. Представляется целесообразным назвать их «микросезонами» (термин М.Ф. Альбедиль) [7, с. 74].

Кроме того, мы полагаем, что такого промежутка времени, как «месяц» (лунный или солнечный), у охотников, собирателей, рыболовов не было вообще. У рассматриваемых обществ не могло быть лунного месяца по следующей причине: эффективность присваивающей деятельности членов этих

обществ зависела полностью от климатической ситуации, в частности от последовательной смены климатических сезонов, что, в свою очередь, обуславливало смену важных видов хозяйственной деятельности. Смена природных явлений зависит от движения Земли вокруг Солнца, и, вследствие этого, они не могут быть постоянной величины – в году одни явления природы более короткие, чем другие. В разные годы одно и то же природное явление также может иметь разную длительность и начинаться (заканчиваться) в разное время. Лунные же месяцы вполне конкретной постоянной длины – 29.53 сут. Эти два явления (климатические микросезоны и лунные месяцы) достаточно независимы друг от друга и, следовательно, не взаимообусловлены. Лунный месяц и микросезон, основанный на природных явлениях, почти никогда не совпадают друг с другом по своей продолжительности и срокам начала и завершения. Видно, что лунный месяц – неудобное средство календарного измерения времени для охотников, собирателей, рыболовов, поскольку смену времен года и, следовательно, ритм человеческой жизни определяет не луна, а солнце. Поэтому можно полагать, что у них не было лунного месяца.

Например, по мнению исследователей календарей индейцев Северной Америки, система точного подсчета дней представляется невозможной, так как для осуществления такого счета требуется наличие более совершенных способов, чем это могли себе позволить индейцы как общество охотников, рыболовов, собирателей [8, с. 129].

Солнечный месяц, как и лунный, имеет фиксированную длину – 29–31 сут, и тоже не мог использоваться представителями обществ охотников, собирателей, рыболовов, так как они ориентировались на природные явления, весьма непостоянные по продолжительности, начинающиеся и заканчивающиеся каждый раз в разное время.

2. По мнению некоторых авторов, календари охотников, собирателей, рыболовов Сибири, Севера и Дальнего Востока были раньше лунными, о чем, в частности, говорит то, что в основном у них было 13 месяцев (микросезонов), и что во всех названиях присутствовало слово «месяц» («луна») [9, с. 47; 10, с. 201; 11, с. 74–75]. Но так как выше мы предполагали отсутствие лунного месяца у этих обществ, то, соответственно, у них не могло быть и лунного календаря.

3. Часто можно встретить утверждение, что у охотников, собирателей, рыболовов было понятие «год». При этом упоминается о том, что начало года у разных этносов (и даже у одного и того же этноса, но разных его территориальных групп) приходилось на разные месяцы.

Однако вопрос о наличии этого понятия представляется спорным по ряду причин.

Во-первых, понятия «лунный год» у рассматриваемых обществ, вероятно, не могло быть сформировано, так как у них (по нашему предположению) не было понятия «лунного месяца».

Во-вторых, «солнечный» («тропический») год, возможно, также нетипичен для охотников, собирателей, рыболовов вследствие отсутствия у них представления о «солнечном» месяце. Кроме того, продолжительность тропического года (определяющего полный цикл смены времен года) не равна целому числу суток (365.2425 сут). К тому же невозможно было подобрать какое-либо целое число тропических лет, в котором бы содержалось целое число суток. Поэтому такая единица счета времени, как тропический год, не могла зародиться в недрах обществ, основанных на первом ХКТ, потому что такая единица счета времени была достаточно сложна для понимания; помимо этого, в ее применении не было необходимости (для осуществления хозяйственной деятельности присваивающего типа важны были лишь природно-климатические факторы). Использование же точного тропического года было важно прежде всего для определения сезонов полевых работ, т.е. для земледельческих обществ [12, с. 225].

Об отсутствии понятия «год» свидетельствуют многие авторы (напр., см.: [13, с. 106; 14, с. 113; 15, с. 105]).

Таким образом, вышеуказанный материал говорит о том, что «год» (лунный, тропический), предположительно, не мог быть востребован обществом с рассматриваемым ХКТ. Поэтому мы не можем рассуждать о наличии у представителей этого общества солнечного календаря (основанного на солнечном годе).

Учитывая, что лунно-солнечный календарь является еще более сложной системой (позволяющей согласовать тропический год, синодический месяц и средние солнечные сутки), то, вероятно, также нет оснований говорить о его существовании у охотников, собирателей, рыболовов.

4. Количество микросезонов почти всех рассмотренных традиционных устных календарей приблизительно одинаково – 12–13.

Как уже упоминалось, многие авторы видят в этом факте реликт лунного календаря. На наш взгляд, этот объясняется тем, что повторяющихся климатических явлений и обусловленных ими хозяйственных процессов, которые являлись наиважнейшими для нормальной жизнедеятельности аборигенов, было именно такое количество. Поэтому именно столько микросезонов и наблюдается в календарях.

5. Мотивированы большинство названий – хозяйственной деятельностью этносов, так как для охотников, собирателей, рыболовов именно успешность их деятельности являлся фундаментом

и единственным источником существования. В основе обозначений микросезонов может лежать также и религиозная деятельность (но таких названий в календарях очень немного).

6. Названия микросезонов в подавляющем большинстве являются отражением хозяйственной деятельности этноса, природно-климатических особенностей их обитания. Поэтому названия всех рассмотренных автором календарей можно назвать однотипными.

7. Среди большого количества проанализированных названий микросезонов встречаются «непонятные» названия, которые резко выделяются из общей системы обозначений (например: у селькупов «месяц большого пальца руки» и др.). Причина их появления в календаре, вероятно, связана с тем, что представители этносов были знакомы с григорианским календарем или тип хозяйства на момент использования календаря уже не соответствовал рассматриваемому ХКТ. Однако таких названий немного, и их наличие не нарушает общего принципа построения традиционной календарной системы этноса.

Для того чтобы объективнее представить предложенный выше принцип построения традиционного устного календаря охотников, собирателей, рыболовов, проанализируем особенности формирования системы названий календарей народов, для которых основным является второй ХКТ. Для анализа автором были рассмотрены календари нуэров, готтентотов, масаев, гереро – африканских племен скотоводов, ирокезов, навахо – земледельцев Северной Америки, тробриандов – земледельцев Папуа (Океания), ненцев – кочевых оленеводов Сибири и некоторых других этносов. В Приложении для примера дан календарь нуэров.

Характеристика традиционных устных календарей ранних земледельцев и скотоводов

1. Указанные выше календари народов рассматриваемого ХКТ представляют собой перечень названий определенных отрезков времени, которые иногда сопровождаются словами «месяц, луна», например: «месяц прохладных ветров после предыдущего жаркого месяца». Однако очень часто временные периоды имеют простое описательное название, например: «олень теряет свою шерсть» (см. Приложение). Количество таких месяцев почти всех рассмотренных календарей приблизительно одинаково – 12–13.

Во многих работах, посвященных анализу календарей указанных народов, говорится о том, что у них могли быть понятия «месяц», «год», и о том, что нужды земледельческо-скотоводческого хозяйства обусловили необходимость создания солнечного и лунно-солнечного календарей [16, с. 225;

17, с. 229; 18, с. 174, 191; 19, с. 136]. Однако некоторые исследователи также отмечают, что члены рассматриваемых обществ, вероятнее всего, не могли оперировать такими точными категориями, как «месяц», «год», не могли создать солнечный и лунно-солнечный календари [20, с. 248, 251, 256; 21, с. 61; 22, с. 96–97, 159]. Вполне возможно, что определять точно сроки сельскохозяйственных работ были способны не анализируемые ранние земледельцы, а представители этносов с третьим ХКТ или члены раннеклассовых обществ. А для этносов со вторым ХКТ было более типичным, так же как и для охотников, собирателей, рыболовов, отсутствие понятий «год», «месяц».

2. Мотивация формирования названий рассматриваемых календарей основана преимущественно на хозяйственной деятельности скотоводов и земледельцев.

3. Названия в подавляющем большинстве являются отражением хозяйственной деятельности этноса и природно-климатических факторов.

Несмотря на различия в номинациях временных периодов в разных календарях, названия, в принципе, очень похожи и представляют единую целостную схему обозначения отрезков времени.

4. Среди большого количества проанализированных названий месяцев встречаются немотивированные и непереуверенные названия, что не затрудняет проследить общую систему формирования календарных названий.

Сравнивая календарные системы этносов, относящихся к первому и второму ХКТ, можно отметить:

- календарная система охотников, собирателей, рыболовов принципиально отличается от календаря ранних земледельцев и скотоводов тем, что у вторых могли быть месяц и год (если принять предположение о наличии этих понятий у этносов второго ХКТ);

- принцип номинации важных хозяйственных процессов охотников, собирателей, рыболовов идентичен тому принципу, который складывался у ранних земледельцев и скотоводов.

Выясним, почему система формирования названий одна и та же. При внимательном рассмотрении можно заметить, что все эти общества имели одноукладность в экономике, которая заключалась в разные периоды времени либо в охоте, либо в рыболовстве (собирательстве, земледелии, скотоводстве). При этом у народов были и другие важные занятия, но экономическая база, экономическое благополучие строились тем не менее на одном виде деятельности в конкретный период времени, и этому виду работы были подчинены все другие. Поэтому календарная система формировалась как механизм регулирования этой деятельности таким образом, что в календаре нашли от-

ражение обозначения основной хозяйственной деятельности.

Какие-либо прочие фрагменты жизнедеятельности представителей доклассовых обществ, не имевшие важного практического значения, и, соответственно, их обозначения не могли быть включены в календарь, так как не обладали выраженной значимостью для существования людей.

То, что тип хозяйственного уклада того или иного общества может быть причиной схожести или несхожести систем формирования названий, можно проверить, рассмотрев также особенности возникновения календарных систем раннеклассовых обществ. Отметим, что для этих обществ было типичным наличие кроме важной хозяйственной деятельности (чаще всего – земледелия) и других полноправных сфер деятельности (сфера государственного управления, сфера религиозного управления и др.). Для каждой из сфер жизни был необходим свой календарь (гражданский, религиозный и пр.). Во многих материалах констатируется, что в недрах рассмотренных обществ развивались параллельно несколько календарных систем. Например, по мнению Е.Р. Лича, на определенном этапе в Древнем Китае существовали два календаря: один – для крестьян, основанный на сезонах; другой – для писарей, представляющий собой систему чисел [23, с. 121]. Два календаря (260-дневный ритуальный, 365-дневный – для сельскохозяйственных целей) применялись во многих высокоразвитых государствах Мезоамерики [24, с. 255–257]. В Египте использовался в административной и хозяйственной жизни (приблизительно в 3 тыс. н. э.) гражданский солнечный календарь. Он был универсальным для всего государства, несмотря на существование религиозного лунного календаря [17, с. 229]. Протоиндийцы имели три календаря одновременно – солнечный (земледельческий), государственный (гражданский), жреческий (ритуальный) [7, с. 82]. В Монголии сложилась система четырех одновременно действующих календарей, каждый из которых выполнял свою функцию в монгольском государстве [25, с. 189–200].

Понятно, что многоукладность обуславливает принцип формирования календарей, при котором календарей становилось больше в один и тот же период времени, они могли иметь разные цели, особенности развития и использования. Наличие нескольких календарей одновременно говорит в пользу именно хозяйственной мотивации формирования их названий. На определенном этапе на смену нескольким календарям пришел более абстрактный универсальный, единый для всех сфер жизни общества календарь. Этот календарь уже потерял первоначальную хозяйственную мотивацию, став самостоятельным фрагментом культуры общества.

Выводы

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что именно тип уклада общества является основной причиной выбора системы формирования названий календарей охотников, собирателей, рыболовов. Моноукладная экономика обслуживается одной системой названий, основанной на конкретных занятиях людей. Полиукладность экономики приводит к созданию нескольких календарей, каждый из которых соотносится с определенной (одной из нескольких), значимой сферой деятельности членов общества. Все охотники, собиратели, рыболовы имеют моноукладную экономику, поэтому принцип формирования именного ряда их календарей одинаков – он обусловлен той хозяйственной деятельностью, которая характерна для того или иного отрезка времени.

Проанализировав календари народов с первым и вторым ХКТ, живших на больших расстояниях друг от друга, но в сходных климатических условиях (охотники, собиратели, рыболовы тайги Сибири и Северной Америки; скотоводы Африки (нуэры) и мотыжные земледельцы жаркого пояса Самоа; охотники и собиратели степей и полупустынь Австралии и Огненной Земли), можно констатировать, что названия их календарей еще более похожи тем, что в них фиксируются почти идентичные виды деятельности (или одинаковые явления природы). Например, названия, отражающие холод, мороз, появление льда, часто встречаются в календарях народов зоны тайги Сибири и Северной Америки; календари же охотников, собирателей, рыболовов и земледельцев жаркого пояса содержат названия, связанные с жарой, созреванием фруктов и пр. Таким образом, причиной схожести лексической составляющей названий месяцев (микросезонов) в календарях рассмотренных выше народов являются конвергентные процессы в развитии культур. Тип уклада является определяющей основой для единой системы формирования названий. Конвергентность играет второстепенное значение и служит бази-

сом лишь для идентичности лексического наполнения названий.

Приложение

Календарь монтанье – охотников, собирателей, рыболовов [8, с. 164].

1. Маленький ветренный месяц.
2. Большой ветренный месяц.
3. Месяц орлов.
4. Лед висит на иглах.
5. Месяц линьки птиц.
6. Окончание льда.
7. Большой уход оленей.
8. Месяц незначительной жары.
9. Месяц гона оленей-самцов.
10. Месяц утробного плода, когда косуля носит своих малышей.
11. Месяц ловли рыбы крючком.
12. Месяц рыбы.

Календарь нуэров – скотоводов [26, с. 199–201; 27, с. 100].

Teer – (сент. – окт.) месяц, который отделяет сезон meí от сезона tot.

Lath – (окт. – нояб.) дождь уже прекращается в этом месяце.

Kur – (нояб. – дек.) – нет перевода.

Tiop(in) – (дек. – янв.) в этом месяце везде появляется новая трава, рогатый скот покрывает землю навозом.

Pet – (февр. – март) молоко скисает, самый жаркий месяц, когда земля жжет ноги.

Duong – (март – апр.) месяц прохладных ветров после предыдущего жаркого месяца.

Gwaak – (апр. – май) в этот период появляются детеныши лисицы.

Dwat – (май – июнь) солнце не видно за облаками, рогатый скот перегоняют в деревни.

Kornyuot – (июнь – июль) – нет перевода.

Raiyatni – (июль – авг.) месяц, когда люди, поев кукурузы, отбросили снопы с листьями.

Thoor – (авг. – сент.) месяц, когда стебли проса плавают после уборки урожая в затопленных водой полях.

Литература

1. Драч Г.В. Культурология. Ростов н/Д, 2003.
2. Драч Г.В. Культурология в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 2001.
3. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.; Екатеринбург, 2002.
4. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
5. Колесникова С.Ю. К проблеме исследования исчезающих языков и культур // Сравнительно-историческое и типологическое исследование языков и культур. Преподавание иностранных и национальных языков: Мат-лы междунар. конф. 25–27 июня 2002 г. Ч. 2. Томск, 2002.
6. Колесникова С.Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.
7. Альбедиль М.Ф. Протоиндийское «колесо времени» // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
8. Cope L. Calendars of the indians North of Mexico // University of California Publication in American Archaeology and Ethnology. 1919. V. 16. № 4.
9. Меновщиков Г.Н. Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов // Докл. Географического об-ва. 1968. Вып. 5.
10. Симченко Ю.Б. и др. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.

11. Соколова З.П. Времяисчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990.
12. Астрономический энциклопедический словарь. М., 1994.
13. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
14. Петрова Т.И. Времяисчисление у тунгусо-манчжурских народностей // Сб. памяти В. Богораза. М.; Л., 1937.
15. Власов В.Г. Формирование календаря славян. Ранний период // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
16. Буткевич А.В., Зеликсон М.С. Вечные календари. М., 1984.
17. Saggs H.W.F. Civilization before Greece and Rome. L., 1989.
18. Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990.
19. Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л., 1971.
20. Leach E.R. Primitive calendars // Oceania. 1950. V. XX. № 4.
21. Cardinall A.W. The Division of the year among the Talansi of the Gold Coast // Man / RAI. 1924. V. XXIV.
22. Nillson M.P. Primitive Time-reckoning. London; Paris; Oxford; Leipzig, 1920.
23. Leach E.R. Primitive Time-reckoning // A History of Technology. V. 1. Oxford, 1954.
24. Smith M.E. The Aztecs. Blackwell Publishers UK, 1996.
25. Жуковская Н.Л. Календарная система монголов // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
26. Evans-Pritchard E.E. Nuer Time-reckoning // Africa 12. 1939. № 1.
27. Evans-Pritchard E.E. The Nuer. Oxford, 1940.

Л.С. Вагинова

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НАРОДОВ МУРМАНСКОГО КРАЯ С СОСЕДНИМИ ОБЩНОСТЯМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Мурманский государственный педагогический университет

Целостное изучение художественной культуры Кольского Заполярья предполагает исследование общих и локальных особенностей регионального типа художественной культуры, которые сложились в регионе к концу XIX в., в рамках общекультурного контекста. Выявление локальных и общерегиональных связей, сопоставление этнических форм локальных культур дает возможность построения типологической «макросистемы», для определения регионального типа художественной культуры региона в единстве традиционных и креативных культур, взаимодействующих в это время.

Системное исследование источников по изучению художественной культуры Русской Лапландии конца XIX – начала XX вв. провела Е.В. Васильева. Автором была создана источниковедческая и историографическая база для типологического исследования художественной культуры региона в Новое время. При этом ряд источников был впервые обнаружен автором работы [1].

Исследования Кольского полуострова в конце XIX в. привлекли пристальное внимание творческой интеллигенции. В первую очередь, писатели и художники открыли для себя новый, необычный, «затерянный мир» – Русскую Лапландию. Для литературы и изобразительного искусства России этого времени была характерна глубокая связь с народной жизнью, с национальными традициями, с особенностью национальных характеров, с осмыслением взаимоотношений человека с природой. Художники и литераторы, откры-

вая для себя «новый мир», запечатлевали особенности Северного края, знакомили с ними, привлекали внимание широких слоев населения России к проблемам региона.

Этнографами, путешественниками, художниками отмечались наиболее яркие черты в национальном характере саамов (лопарей) – спокойствие, созерцательность, гостеприимство и миролюбие. Подчеркивалось, что такое сочетание встретишь далеко не у каждого европейца, а у саамов оно характеризует каждого. В обычной жизни, в непосредственном общении саами экспансивны, остроумны, любят поспорить, высказать свое мнение, в речи часто используют забавные выражения и слова. М. Кастрен, посетивший Лапландию в 1842 г., особенно подчеркивал миролюбие саамов и их открытое гостеприимство. Он отмечал, что саам «тих, мирен, уступчив. Его любимое слово – мир; миром он встречает вас, миром и провожает; мир для него – все. Он любит мир, как мать любит вскормленное ею дитя» [2, с. 18].

С.В. Максимов, один из первых среди писателей совершивший по поручению Русского географического общества путешествие по Лапландии, по возвращении в Петербург публиковал в периодических изданиях статьи и очерки об экспедиции. Эти публикации в 1859 г. были объединены в двухтомную работу «Год на Севере». В произведении сочетались этнографические и географические исследования с яркими художественными описаниями народного быта, картинами и событиями жизни северных жителей. Книга имела огромный успех